

Прошло 65 лет со дня Победы, это целая и не короткая жизнь. Нас, участников войны, осталось совсем мало.

Из работающих, остался я один, а было за послевоенный период более шестидесяти.

Приведу в этой статье имена всех участников Великой Отечественной войны, работавших на нашем факультете, начиная с конца 40-х годов:

Авдеев Д.К., Адров П.М., Алесковский В. Б., Андреев С. Н., Андриевский В. В., Ария С.М., Балабина А.Ф., Бекяшева Д.М., Богданов Г.Ф. Болотов Б.А., Боровая Н.С., Васильев В.В., Василькова К.В., Гаврилов Б.Г., Галай С.Н., Голодников Г.В., Гурьева В.Н.,

---

² Фрагмент, написанный в 2010 г., из книги А.Г. Морачевского «Воспоминания и мысли о начале Великой Отечественной войны и предвоенных годах» (СПб, 2016) представлен в редакцию дочерью автора – Е.А. Морачевской.

Дворкин К.А., Денисов М.П., Ефремов Г.В., Иванов В.С., Игнатович Н.Г., Иоффе Б.В., Исаков П.М., Ишина В.А., Калганова М.Н., Калугин М.И., Кожин С.А., Колбин Н.И., Комаров В.А., Комендантов М.И., Коробицына И.К., Коростылёва Н.П., Кроль В.А., Куняшов А.А., Курман Н.А., Лилич Л.С., Лурье Б.Г., Лутугина Н.В., Мамаев А.В., Маркузин Н.П., Мурашов Г.М., Нефёдов В.Д., Новиков Г.И., Оглоблин К.А., Пальчевский В.В., Первеев Ф.Я., Пискунович Э.Ф., Половой Ю.Н., Половиков Н.М., Рейшахрит Л.С., Ролич А.А., Рябинин А.А., Скуратов Д.Ф., Сто-

ляров К.П., Сторонкин А.В., Сусарев М.П., Тихонов С.И., Толкачёв С.С., Тихомиров А.М., Точилёнок М.И., Фридрихсберг Д.А., Шалтыко Г.А., Шульц М.М., Якимов М.А., Янковский В.Р.

Список по алфавиту. Названы и ветераны, которые работали на факультете небольшое время, всех хотелось вспомнить. Светлая память ушедшим.

Из числа бывших сотрудников химического факультета – участников войны – работают в других организациях В.П. Белоусов, М.Г. Воронков и В.И. Иванский.

На пенсии Е.Г. Кузнецова и Н.Д. Шульц. В штате факультета, кроме меня, состоит ещё Л.Л. Макаров. Но прошлым летом он тяжело заболел и, к сожалению, вряд ли сможет работать.

Из названных участников войны хотелось бы особо выделить Владимира Дмитриевича Нефёдова и Дмитрия Александровича Фридрихсберга. Оба они встретили войну в 1941 году в кадровой армии получили тяжёлые ранения, но сразу же после госпиталя продолжили обучение и работу, стали ведущими профессорами факультета и вели активную деятельность многие годы, до конца жизни.

Далее остановлюсь на своих воспоминаниях. Я был на фронте с весны 1943 года, во вторую половину войны, сравнительно более лёгкую (если слово «лёгкая» здесь уместно). Из участников войны, кто был на фронте с 1941 года и ещё жив, практически никого не знаю.

Я закончил школу (получил аттестат) в Ленинграде за один день до начала войны. Помню, что мы, выпускники школы, первые 3–4 дня не понимали масштаба трагедии. Встречались, праздно-

вали окончание школы. Тревога появилась в последних числах июня, когда в кратких сводках появилось «минское направление». В первые дни в сводках были названия городов Польши и Литвы, это казалось далеко. Сильное беспокойство вызывали слухи о недееспособности Сталина, его молчание.

В самые последние дни июня меня и товарищей по классу вызвали на призывную комиссию Василеостровского военкомата. Мне дали отсрочку от призыва, был туберкулёзный очаг в лёгком и сильные боли в области желудка (много позднее узнал, что было две язвы). В июле разрешили уехать из Ленинграда, оказался на Урале, в городе Соликамске, куда была эвакуирована мать с младшими братьями. Выехал из Ленинграда на барже, по Мариинской системе.

Из числа моих товарищей по классу многие были по призыву направлены в новые пехотные части и погибли на Лужском рубеже ещё в сентябре 1941 года.

В Соликамске успел два месяца работать на Магниевом заводе, в ноябре был призван в армию без медицинской комиссии.

Вспоминая дни призыва, я думаю о том, какое мощное влияние на характер человека, психологическое воздействие оказала война на людей, её прошедших. Когда меня призывали, я был робким, застенчивым мальчиком, домашним ребёнком. Но через неполных 4 года уже мог справляться с ответственной работой начальника оперативного отдела штаба десантного стрелкового полка.

После призыва в Соликамске оказался в одной из формирующихся новых частей из сибиряков, около Тюмени. Научился стрелять, обращаться с винтовкой и автоматом. Весною 1942 года часть была подготовлена к отправке на фронт в направлении Сталинграда. Когда уже всё было готово к отъезду, роздан сухой паек, определён номер вагона-теплушки, в часть приехал полковник и на построении приказал всем, у кого было 10 классов образования, выйти из строя. Таких в полку оказалось 6–7 человек. Вместо Сталинграда нас отправили в Вольское военное училище химической защиты, что в Саратовской области, в Шиханах, известном и сейчас военно-химическом центре (такова бывает игра судьбы).

Нас обучали долго, больше года, в отличие от массовых краткосрочных курсов подготовки младших офицеров. В то время сохранялась опасность химической войны, и мы были ценным резервом. В училище были преподаватели высокой квалификации. Мне ещё раз повезло – командиром взвода (непосредственным начальником) оказался ленинградец, лейтенант М.В. Данилов, очень хороший человек и талантливый педагог. Я очень многим ему обязан. После войны Михаил Васильевич долгое время работал в Радиевом институте, кажется, начальником гражданской обороны.

Я окончил училище с отличием. Сейчас на факультете студенты-отличники имеют право выбрать кафедру, тогда курсанты-отличники имели право выбрать фронт. Я выбрал Ленинградский, и нашу группу в 5 человек отвёз в Ленинград лейтенант Данилов. Ехали поездом, медленно, через Тихвин и Мгу, блокада была уже прорвана. Однако, в Ленинграде летом и осенью 1943 года активной войны не было, состоял в полку офицерского резерва фронта. Занимались патрулированием города, выполняли некоторые специальные работы. В конце года был командирован в распоряжение штаба 2-го Украинского фронта. Опять как отличника меня направили в элитную часть – 3-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию. Нашёл штаб дивизии за Киевом, около г. Белая Церковь. Направили в 10-ый гвардейский стрелковый полк, получил взвод хим. защиты и одновременно обязанности начальника хим. службы полка. И сразу же участие в тяжёлых боях, окопы в снегу, отражение наступления противника со стороны Умани на помощь группировке в Корсунь-Шевченковском котле. Через неделю или две – новые трудные бои на уничтожение другой окружённой Уманско-Христиновской группировки. Дивизии было присвоено название «Уманской». В самом начале получилась трудная, но полезная для дальнейшей службы закалка. Далее было длительное наступление на запад, по правобережной Украине. В феврале в тех областях была оттепель, поля и грунтовые дороги были покрыты толстым слоем чёрной грязи (чернозёма). Никакой транспорт, даже повозки, двигаться не мог. Двигались только люди и маленькие лошади, на которых были навьючены запасы патронов и канистры со спиртом. Кухни безнадёжно отстали. Основное питание – хлеб, сало, чеснок, спирт. Серьёзных боевых действий практически не было до подхода к Днестру. Отчасти это связано с тем, что немецкие танки, самоходки, даже автомашины с орудиями активно действовать не могли, вязли в грязи. Но нарузки фи-

зические были огромны, по таким дорогам за сутки проходили по 20–25 км. К сапогам были пришиты брезентовые петли. Наша дивизия первой вышла на старую государственную границу СССР, заняв город Могилёв-Подольский на Днестре. Дивизия была награждена орденом Кутузова. Дальше форсирование Днестра и Прута, Ясско-Кишинёвская операция, Румыния. По Румынии наступали быстро и почти без сопротивления. Серьёзные бои были только при взятии Плоешти. Немецкие войска упорно обороняли нефтеносный район. Наш полк первым овладел городом Плоешти. Взяли много пленных (их было больше, чем людей в полку). Полк даже получил в награду название «Плоештинский», но оно как-то не прижилось. Дальше переход через Южные Карпаты, запомнились крутые мшистые горы, болота на большой высоте. Двигались по горным тропам, лошади не выдержали, пали. Груз несли люди. После гор освобождение Трансильвании, взятие многих городов Венгрии, на две недели в южной части Словакии. Взятие Будапешта и окончание войны в Австрии, в предгорьях Альп, где встретились с передовыми частями армии США.

Не могу не вспомнить очень трудный период – окружение в Венгрии, около города Ньиредхаза.

Нашу дивизию, как десантную, направили в глубокий прорыв из Трансильвании в Северовосточную Венгрию вместе с крупным танковым соединением и кавалерийским корпусом генерала Платова. Цель была – окружить группировку противника в Закарпатье. Мы должны были закрепить занятые рубежи. Но планы изменились, танки и кавалеристы уехали, а мы остались и были окружены. При попытке выйти из окружения ночью попали в засаду, под пулемётным огнём с бронетранспортёров были большие потери, были убиты или «пропали без вести» мои товарищи, офицеры-ленинградцы Володя Богданов и Толя Теленков. Ещё один ленинградец, капитан Саша Большаков, был убит позднее снайпером около города Эгер. Так из четырёх офицеров-ленинградцев в полку я остался один.

В окружении остатки полка были рассеяны на небольшие группы. Мне с группой в 16 человек пришлось быть в окружении 9 или 10 дней. Днём прятались в снопах кукурузы, по ночам искали выход и еду. Интересно, что за 9 суток в самом конце октября, в холодную погоду, в гимнастёрке и мокрых сапогах не появилось никакой болезни, даже насморка. Вообще, по моему впечатлению, на фронте не болели обычными болезнями. У меня без какого-либо лечения прошли туберкулёз и язва желудка, не было ни одной простуды.

Ещё одна загадка для психологов – убеждался не раз, что при высоком напряжении сил, при явной угрозе жизни, не остаётся места для страха. Испуг приходит потом, после события.

В окружении наш полк и дивизия потеряли свои знамёна. Вероятно, ночью были убиты знаменосцы и их ассистенты. Это была катастрофа. По законам того времени потерявшая знамя часть расформируется, а офицеры идут в штрафные батальоны. У нас обошлось. Учитывая особо тяжёлое положение, в котором оказались дивизия и полк, был издан специальный приказ Верховного Главнокомандующего о прощении и выдаче новых знамён. Но за это до конца войны нам давали заметно меньше орденов, чем было принято.

В конце войны тяжёлые бои были около Будапешта, особенно на участке между озёрами Балатон и Веленце, на подступах к городу Секешфехервар. В конце февраля – начале марта 45-го года гитлеровцы решились на крупное наступление силами нескольких танковых дивизий «СС», вооружённых мощными танками «Тигр» и самоходными орудиями «Пантера». Зачем – трудно понять. В это время наши войска уже были в самой Германии.

На участке фронта нашей дивизии наступала танковая дивизия «СС» «Викинг». Потери у нас были большие, были и отступления. Потери были особенно обидны, потому что было ясно – война кончается. Для нас это были последние тяжёлые бои. Много позднее в 70-х – 80-х годах приходилось бывать в этих местах.

В конце войны очень многие стали более боязливыми. Сознательно (или подсознательно) преследовала мысль – вот война кончается, и вдруг меня убьют в последние недели. Обидно. Мне кажется, что похожие мысли были и у противника. Во всяком случае, в Западной Венгрии и в Австрии на нашем участке фронта с середины апреля война имела символический характер.

Памятник погибшим солдатам и офицерам 3 Гв. ВДД в Венгрии севернее озера Балатон на месте боёв. Снимок 1974 года.

Должность начальника хим. службы полка, на которой я числился большую часть времени, не проста, если полк ведёт активные действия. Прямых обязанностей было мало – всего один раз была поставлена дымовая завеса, содержание же в порядке противогазов было

совершенно безнадёжным делом. Но приходилось заполнять постоянно возникающие «вакансии» и в штабе полка, и в батальонах, часто быть оперативным дежурным. При этом на дежурствах приходилось принимать приказы из штаба дивизии типа: «к утру взять высоту Х..., посёлок Х... любой ценой». Бывали задачи, которые не казались столь уж важными, но были связаны с серьёзными потерями. У меня и сейчас существует представление, что в российской военной доктрине достижение тактических, стратегических и политических целей осуществляется без глубокого учёта потерь в живой силе. Это можно заметить ещё со времён Суворова. Думаю, что в этой войне, если бы мы взяли Берлин на несколько дней позднее, то сохранили бы многие десятки тысяч жизней.

Меня просили составить воспоминания, я это сделал и не уверен, насколько они интересны. Понимаю, что для меня фронтовая часть войны была легче, чем для огромного числа участников войны, кто был на фронте в её начале. По-настоящему тяжёлыми были только несколько периодов, по одной – две недели и в отдельные дни. Но и в них судьба меня баловала, даже тяжёлого ранения не было.

Сейчас приближается юбилейный праздник Великой Победы. Ещё раз вспоминаю своих товарищей по школьному классу, по полку, коллег по факультету, Думаю о том, что многие миллионы остались на полях войны, десятки миллионов участников войны ушли из жизни раньше нас. Ещё раз низко поклонимся им, светлая им память.

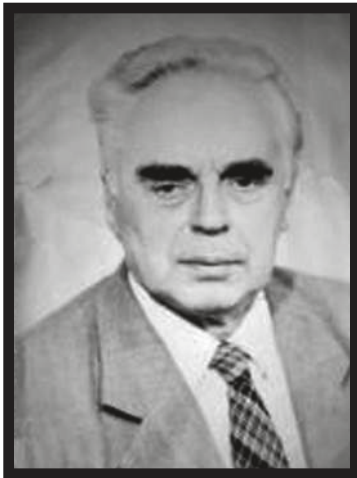
Санкт-Петербург, 2010 г.

От редакции:

*Когда верстался этот выпуск журнала,
в редакцию пришла скорбная весть:*

24 января умер

АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ МОРАЧЕВСКИЙ.
*Редакция приносит глубокие соболезнования
его родным, друзьям, коллегам и ученикам.*

24 января 2019 года на 96-ом году жизни скончался талантливый учёный и блестящий организатор научного и педагогического процесса, профессор СПб ГУ **Алексей Георгиевич Морачевский**.

Будучи в разные периоды жизни директором Института Химии ЛГУ, заведующим кафедрой, проректором по научной работе, и.о. ректора, Алексей Георгиевич сделал очень многое для развития института, факультета, в целом университета. Среди его многочисленных заслуг надо отметить создание новых кафедр – химии природных соединений и квантовой химии, межкафедральных лабораторий молекулярной спектроскопии и газо-жидкостной хроматографии, проблемной лаборатории химии полупроводников и др. В качестве руководителя лаборатории растворов неэлектролитов Алексей Георгиевич значительно расширил её научную тематику и кадровый состав. В лаборатории всегда было много молодых амбициозных людей, успешно защищались кандидатские и докторские диссертации.

Во всех важных для университета и факультета делах всегда проявлялся талант А.Г. Морачевского как стратега, тактика и дипломата. Сдержанный в выражении чувств и часто погружённый в свои мысли, он, тем не менее, внимательно наблюдал, верно оценивал способности, возможности, знал проблемы сотрудников кафедры, многих работников Института Химии, всячески способствовал тому, чтобы сотрудники реализовывали свой потенциал в максимальной степени. От его внимания не ускользала озабоченность его коллег бытовыми вопросами, особенно в сложные 90-е годы. Его личное участие в решении этих проблем помогло сохранить работоспособный коллектив кафедры.

Многие годы весной он собирал молодых сотрудников своей лаборатории и кафедры у себя дома, чтобы в беседах за чашкой чая, услышать их мнения о работе и жизни, рассказать о своих военных годах, о своём видении общих проблем страны. Участники этих бесед сейчас вспоминают о них с большой признательностью.

Искренние чувства восхищения и благодарности навсегда останутся в сердцах коллег и учеников Алексея Георгиевича Морачевского.

Коллектив кафедры физической химии НИИ Химии СПбГУ.